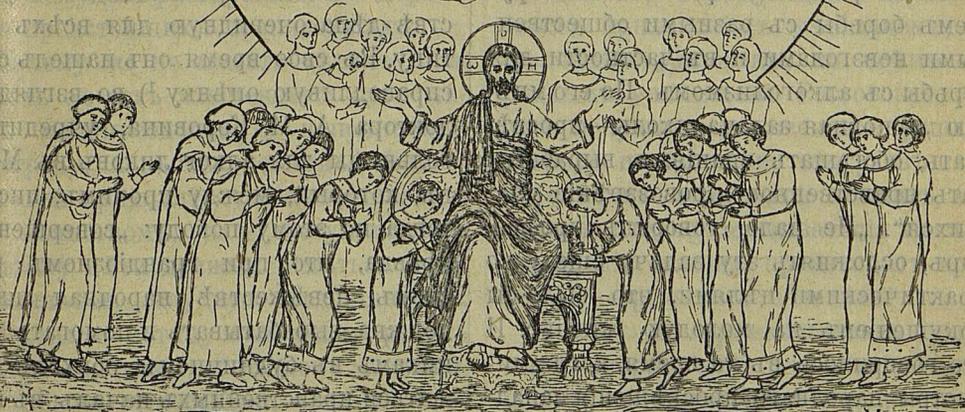
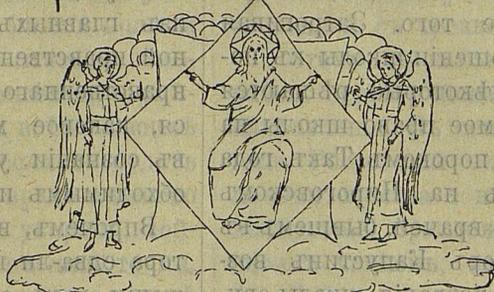

БОЖІА ПИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМЪНИ
НЕВРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЬ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ШКОЛА ВЪ БОРЬБѢ ЗА ТРЕЗВОСТЬ.

(Статья вторая).

Дьянство... Кто не задумывается теперь надъ этимъ общенароднымъ бичемъ?! Казенная продажа вина, чайныя, народные дома, читальни, туманныя картины, воскресныя чтенія и бесѣды — все это прямо или косвенно направлено къ ослабленію винопитія, все это до извѣстной степени врачуеть общественную нрав-

ственность, хотя, оговоримся, и здѣсь бываетъ не безъ исключеній... Впрочемъ, исторія оцѣнить, со временемъ, степень пригодности всѣхъ этихъ мѣропріятій, но въ данномъ случаѣ важно отмѣтить, что общество и правительство признало необходимость борьбы съ безшабашнымъ разгуломъ, что оно задумывается надъ

выборомъ средствъ борьбы съ нимъ и указываетъ ихъ. Не такъ обстоитъ дѣло въ педагогикѣ. Здѣсь еще положительно нѣтъ никакихъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ руководственныхъ указаній въ дѣлѣ веденія борьбы съ винопитіемъ на школьной почвѣ. Даже болѣе того. Затрогивая вопросъ объ отношеніи школы къ пороку пьянства, нѣкоторые рѣшаются оспаривать и самое право школы на борьбу съ этимъ порокомъ. Такъ, года два тому назадъ на Пироговскомъ съѣздѣ русскихъ врачей, бывшемъ въ Москвѣ, профессоръ Капустинъ возставалъ противъ избранія школы орудіемъ борьбы съ разными общественными невзгодами и въ частности, для борьбы съ алкоголизмомъ. По его мнѣнію „основная задача школы—просвѣщать, обогащать знаніями, вырабатывать нравственное міровоззрѣніе учащихся“. „Не надо, говорилъ профессоръ, осложнять эту задачу еще узко практическими цѣлями, это было-бы покусеніемъ на молодую жизнь“. И это говорилось въ то время, когда министры народнаго просвѣщенія западныхъ государствъ настойчиво рекомендовали учителямъ ознакомляться съ алкогольнымъ вопросомъ, когда, напримеръ, одинъ изъ нихъ (германскій) разослалъ циркуляръ, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „совершенно справедливо указываютъ на нужное содѣйствіе школы въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Чрезвычайная важность предстоящей задачи побуждаетъ меня особенно поставить на видъ, чтобы ни одна народная школа не уклонялась отъ живого участія въ борьбѣ съ страшнымъ зломъ, какъ пьянство“... Не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ, въ виду такого заявленія нѣмецкаго министра, сужденіе русскаго профессора, призывающаго „просвѣщать, обогащать

знаніями учащихся и не осложнять эту задачу узко-практическими цѣлями“, въ которыхъ онъ видитъ „покусеніе на молодую жизнь“?... И не есть-ли трезвая жизнь, которую, по нему, не должна проповѣдывать школа, одно изъ существеннѣйшихъ знаній, одно изъ главныхъ основаній общественной нравственности, одно изъ началъ нравственнаго міровоззрѣнія учащихся, каковое міровоззрѣніе развивать въ сознаніи учащихся считаетъ необходимымъ и самъ г. Капустинъ?

Впрочемъ, взглядъ профессора-доктора едва-ли нуждается въ опроверженіи, какъ оспаривающій въ существѣ дѣла очевидную для всѣхъ истину. Въ свое время онъ нашелъ себѣ справедливую оцѣнку¹⁾ во взглядахъ доктора А. М. Коровина, учредителя больницы для алкоголиковъ въ Москвѣ, который, между прочимъ, писалъ тогда по этому поводу: „совершенная правда, что при грандіозномъ русскомъ невѣжествѣ народная школа должна вырабатывать и помогать ученикамъ въ будничномъ обиходѣ держаться нравственныхъ началъ; въ противномъ случаѣ не только ученики, но и взрослые часто не понимаютъ взаимнаго противоположнаго отношенія между нравственностью и первой рюмкой водки или первымъ стаканомъ пива; до сихъ поръ для массы населенія непонятно внутреннее противорѣчіе между нравственностью и обычаемъ ознаменовывать праздники усиленнымъ питьемъ, — „у праздничка былъ“—говорять.

Но чтобы составить нравственное міровоззрѣніе, необходимо еще знать, чего надлежитъ избѣгать, съ цѣлью сохранить душевную чистоту, необхо-

¹⁾ Въстникъ трезвости, 1902 г. № 95, стр. 33, 34.

димо знать злѣйшаго врага нравственности и просвѣщенія, который прежде всего поражаетъ способность правильно размышлять, пробуждаетъ, вопреки желанію (замѣтите!), дурныя, порочныя стремленія, дѣлаетъ неразборчивымъ въ средствахъ достиженія, усыпляетъ совѣсть, расслабляетъ волю и заставляеть безстыдно лгать и обманывать. Я искренне сомнѣваюсь, уцѣлѣетъ ли кто либо, при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ, если не будетъ знать, кто главный его врагъ и каково могущество врага. Я не уверенъ, дойдеть ли кто-либо до намѣченной точки, если не будетъ спрашивать о дорогѣ и о предстоящихъ препятствіяхъ.

Почему же не сказать дѣтямъ и не убрать съ ихъ жизненнаго пути такую малопреодолимую, исполинскую преграду, какъ алкоголизмъ? Волей-неволей приходится дѣтямъ считаться съ пьянствомъ, ихъ обступаящимъ. Поэтому дѣти должны имѣть о немъ правильное, научное представленіе, если мы во-истину желаемъ сохранить своихъ дорогихъ ребяташекъ чистыми, негрубыми существами; если мы противъ того, чтобы дѣти перенимали отъ насъ питейныя привычки и подражали взрослымъ наслаждаться алкогольнымъ ядомъ, чтобы дѣти не увлекались чарами, которыя и насъ, умудренныхъ жизнью, очаровываютъ. Наконецъ, не забудемъ безотраднaго факта алкоголизации учениковъ, наблюдаемаго въ школахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ.

Неужели позволительно спокойно пройти мимо и считать себя черезъ то совершившимъ нравственный поступокъ! Мы, зараженные и ослѣпленные алкогольнымъ грѣхомъ, не торопимся свести собственныхъ дѣтей съ пути, который начинается едва замѣтной тропинкой и на которомъ уже

погибло не мало людей съ сильнымъ характеромъ и сильнымъ умомъ. Ихъ родители тоже не торопились. Одна надежда, по совѣсти, на школу...

Только одна школа можетъ посѣять первыя сѣмена сознательной нравственности, безусловно органически связанной съ трезвостью.

Поэтому съ какою радостью отмѣчаешь первыя попытки въ желанномъ направленіи. Въ сентябрѣ настоящаго года Ростовскій окружной комитетъ попечительства о народной трезвости, вслѣдствіе предложенія одного изъ своихъ членовъ, именно учителя Е. А. Лобова, завѣдующаго двухкласснымъ приходскимъ училищемъ, постановилъ: „разослать по всѣмъ народнымъ училищамъ Ростовскаго округа популярно изложенныя брошюры о вредѣ пьянства и, для развѣшанія по стѣнамъ классныхъ комнатъ, картины, наглядно показывающія тѣ видоизмѣненія, которыя производитъ алкоголь въ организмъ человѣка“.

И какъ не привѣтствовать разумныхъ мѣропріятій въ дѣлѣ борьбы школы съ алкоголизмомъ, когда на нашихъ глазахъ такъ глубоко пускаетъ онъ корни?!

Еще не такъ давно одинъ изъ почетныхъ іереевъ рассказывалъ намъ, что ему, какъ пастырю фабричнаго населенія, часто приходится наблюдать самыя безотрадныя картины, свидѣтельствующія о томъ, что страсть къ алкоголю получаетъ даже нѣкоторую привлекательность въ представленіи дѣтей. Такъ, онъ неоднократно встрѣчалъ толпу кривляющихся дѣтей вблизи шалаша. Шалашъ — это самодѣльная „казенка“, а кривляющіяся, мурлыкающія, а иногда и сильно ругающіяся дѣти — это пьяницы — пьяницы въ совершенствѣ. Какъ есть большіе, знающіе самую отборную

брань, полагающуюся, какъ думаютъ они—таково ужь ихъ впечатлѣніе—при винопитіи. Здѣсь же двое изъ ребятишекъ силятся отодратъ сзади у шалаша доску.

— Что вы дѣлаете?—спрашиваетъ батюшка.

— Казенку грабимъ.

— Какую казенку?

— Да вотъ этотъ шалашъ... Мы представляемъ...

Конечно, это не дѣйствительность, это только „представленіе“. Но каковы сюжеты?! Пьянство и при немъ, какъ плодъ его, грабительство!.. Разумѣется, батюшка сдѣлалъ шалунамъ соответствующее внушеніе...

А вотъ, для иллюстраціи, и еще фактъ.

Недавно пишущему эти строки пришлось зайти въ одну деревеньку, расположенную верстахъ въ двухъ, трехъ отъ дачнаго полустанка Ярославской желѣзной дороги, чтобы на перекутокъ выпить стаканъ молока. Захожу въ избу. Выходитъ женщина, лѣтъ тридцати пяти, съ груднымъ ребенкомъ. За ней слышится нѣсколько плачущихъ дѣтскихъ голосовъ. Увидѣвъ меня и узнавъ о цѣли моего прихода, горемычная мать тихо промолвила:

— Сходить-то некому за молокомъ, и сама-то бросить дѣтей не могу...

— Ужели старше-то нѣтъ, одинъ меньше другаго?—спросилъ я.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мать горько залилась слезами и стала приговаривать:

— Вво.. баринъ.. до слезъ.. Машина отняла...

Я не понималъ, въ чемъ дѣло.

Но скоро все выяснилось. Оказывается, старшій сынишка, лѣтъ 12—13, почти на все лѣто покидаетъ домъ горемычной женщины, какъ оказалось, вдовы, и маленькими услугами пасса-

жирамъ зарабатываетъ на станціи деньжонки, которыя и тратитъ по своему произволу.

— Да, вѣдь, что, кормилецъ,—закончила со слезами свой рассказъ бабушка,—пить сталъ мерзавецъ. Мальчишки одинъ другаго лишѣе, да еще рабочіе подпаиваютъ, ну и нѣтъ съ нимъ сладу...

Да, совсѣмъ какъ взрослый: зарабатываетъ... и пропиваетъ! Какая жалкая школа ранняго ухарскаго развитія!..

Мы не говоримъ уже здѣсь о сознательномъ извращеніи дѣтскихъ вкусовъ, о предосудительномъ отношеніи къ ихъ духовно-нравственной жизни въ самую раннюю пору ихъ жизни. Цинизмъ этихъ, такъ сказать подготовленныхъ къ винопитію дѣтей, не знаетъ границъ...

И ужели во всѣхъ этихъ случаяхъ довольствоваться одними только внушеніями шаловливымъ дѣтямъ?! Ужели священная борьба съ пьянствомъ должна ограничиться только сожалѣніями и добрыми совѣтами сострадательныхъ сердець?! Нѣтъ, въ школьѣ, у школьныхъ дѣятелей, должны быть въ запасѣ средства, не только врачующія, но и предупреждающія пороки общества и среди нихъ особенно порокъ пьянства. А однимъ изъ такихъ средствъ и является обстоятельное знакомство учащихся съ вредомъ пьянства—съ вредомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ: и для семейнаго очага, и для нравственной личности человѣка, и вообще для его духовной и тѣлесной природы. А для этого необходимо, чтобы дѣло отрезвленія народа путемъ выясненія въ школьѣ гибельныхъ плодовъ пьянства было существеннымъ звеномъ въ воспитывающемъ обученіи. И пока нѣтъ еще опредѣленныхъ школьныхъ ру-

ководствѣ на этотъ счетъ, пока нѣтъ обязательной задачи для школы въ въ этомъ родѣ, руководители дѣтей должны сами начать борьбу съ алкоголемъ. Воспитатель дѣтей—это творецъ, художникъ... Онъ самъ долженъ превращать школу въ средоточіе борьбы съ алкоголемъ. Недавно одна интересующаяся педагогическимъ дѣломъ почтенная особа спрашивала насъ въ отвѣтъ на нашу статью, выяснявшую необходимость обученія дѣвочекъ и пріученія ихъ къ чистотѣ и порядочности: что-же для этого дѣлать? Конечно, отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ быть одинъ: „вы любите дѣтей? и если да, то эта любовь научитъ васъ дѣлу, она заставитъ васъ задуматься надъ тѣмъ, что можно сдѣлать, потому что любовь творить... Кто не умѣетъ заполнять досужее время учащихся, кто, зная недочеты въ жизни дѣтей и сельскаго общества, въ то-же время опускаетъ предъ ними руки, тотъ страдаетъ недостаткомъ живой, дѣятельной любви, недостаткомъ энергии... Заведите образцовый порядокъ въ школѣ, пріучите дѣтей любить сначала хотя чистоту школы и дѣти начнутъ привыкать къ чистотѣ и дома“... То-же самое можно сказать и объ отношеніи школы къ борьбѣ съ алкоголемъ. Заведите подходящую для дѣтскаго пониманія коллекцію картинокъ, вырѣзокъ изъ журналовъ и газетъ, развѣсьте ихъ по стѣнамъ²⁾ и удѣлите время, хотя часъ—два въ недѣлю, на соответствующее объясненіе ихъ, и этимъ вы положите начало дѣятельной борьбѣ съ пьянствомъ³⁾. При

²⁾ Какъ, напримѣръ, дѣлалъ это учитель Картацевъ. См. нашу статью въ „Божіей Нивѣ“ за Іюнь.

³⁾ Вполнѣ цѣлесообразными при этомъ могутъ быть и тѣневые картины. О впечатлѣніи народа отъ тѣневыхъ картинъ Редакція „Бо-

этомъ въ интересахъ дѣла нѣтъ надобности вывѣшивать всѣ имѣющіяся подъ руками картинки; здѣсь должна быть постепенность, чтобы съ теченіемъ времени, для поддержанія дѣтскаго любопытства, можно было-бы вывѣшивать новыя и новыя картинки и прибавлять и прибавлять свои разъясненія. Къ этому можно присоединить и особую библиотечку съ соответствующимъ дѣтскому пониманію составомъ книжекъ. Книжки будутъ наилучшими пособниками руководителю дѣтей въ дѣлѣ выясненія вреда винопитія.

Впрочемъ, этимъ далеко не исчерпываются всѣ средства борьбы съ алкоголемъ. Извѣстно, что дѣтямъ школъ и особенно дѣтямъ, живущимъ при фабрикахъ и въ большихъ торговыхъ селахъ, приходится особенно часто наталкиваться на неприглядныя картины, которыми сопровождается, обыкновенно, разгулъ взрослыхъ не только и не столько дома, сколько на улицѣ. Посмотрите на толпу гулякъ, показывающихъ свою удалъ особенно въ храмовые сельскіе праздники: сколько здѣсь ухарства, доходящаго до цинизма, сколько здѣсь брани, неприличныхъ словъ, оскорбляющихъ чело-вѣческой слухъ... А среди взрослыхъ обыкновенно подростки и дѣти, которые еще не знаютъ личной борьбы за безпечальное существованіе, и которые здѣсь, иногда совершенно невольно, но безповоротно заражаются ядомъ порока винопитія со всѣми печальными послѣдствіями его... Не этотъ ли, въ самомъ дѣлѣ, нескрываемый, показной разгулъ учить дѣтей играть въ „пьяницъ?..“ Не это-ли безконтрольная пьянство- и развратничина въ „Божіей Нивѣ“ въ недалекомъ будущемъ дастъ особую статью—результатъ опыта.

ное веселье вливаетъ ядъ въ ихъ души? Не должна ускользать отъ сознанія труженниковъ на Божіей нивѣ и эта печальная дѣйствительность. И любящіе дѣтей поняли уже, кажется, необходимость считаться и съ этимъ фактомъ и вотъ какія мѣропріятія можно указать на этотъ счетъ.

Лѣтъ 5—6 назадъ намъ пришлось быть на храмовомъ Ильинскомъ праздникѣ въ селѣ Скурыгинѣ, Московской губерніи, Подольскаго уѣзда. Это село и его окрестность изобилуетъ школами и, что важнѣе всего, эти школы находятся въ вѣдѣніи отзывчивыхъ къ народнымъ огорестямъ помѣщиковъ Васильчиковыхъ—людей съ добрымъ хрістіанскимъ настроеніемъ. Окончилась торжественная литургія. Послѣ литургіи поселяне отправились, по обычаю, на ярмарку. Сдержанный, сначала, говоръ усилился, слышались выкрикиванія, за ними пѣсни, а потомъ и пьяные голоса. Къ вечеру разгуль поусилился, появились подвыпившіе гуляки, слышалась и брань. Часамъ къ семи-восьми палатки прикрылись, базарный гуль сталъ стихать. Мы вышли на улицу. Около большаго стариннаго парка мы повстрѣчали толпу дѣтей.

— Откуда?—спрашиваемъ у нихъ.

— Съ праздника.

— Какъ? съ какого праздника?

— А мы у господъ были.

Скоро выяснилось все. Оказывается, во время праздничнаго базарнаго гулянья г-жа Васильчикова, какъ попечительница нѣсколькихъ школъ, собрала къ себѣ дѣтей и устроила для нихъ дѣтскій праздникъ съ различными играми и пѣніемъ невинныхъ дѣтскихъ пѣсенекъ. И когда окончился праздничный разгуль, окончился и дѣтскій праздникъ. Мы не

знаемъ, какими побужденіями руководилась попечительница, устраивая дѣтскій праздникъ. Но намъ показалось, что въ немъ дано наилучшее разрѣшеніе вопроса о томъ, какъ быть съ дѣтьми во время крестьянскаго разгула. Отъединеніе и огражденіе ихъ отъ великихъ шумныхъ развлеченій—это, несомнѣнно, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и могучихъ средствъ въ дѣлѣ борьбы съ алкоголемъ. Правда, трудно оградить дѣтей отъ шумныхъ рѣчей поселянь въ теченіе дѣлаго лѣтняго дня, хотя, при желаніи, конечно, достижимо и это... Но несомнѣнно, принесутъ, свою пользу и тѣ дѣтскія празднества, которыя, такъ сказать, вырываютъ дѣтей изъ среды поселянь хотя на самый разгаръ разгула. Приходится, разумѣется, считаться и съ тѣмъ фактомъ, что лѣтомъ не всегда бываетъ учитель при школѣ, а между тѣмъ именно лѣтомъ и является особенно настоятельная надобность въ этомъ праздничномъ „отъединеніи“ дѣтей отъ гуляющихъ поселянь. Но вѣдь извѣстно, что дѣло воспитанія дѣтей есть дѣло корпоративное: во главѣ его стоитъ батюшка, къ нему, кромѣ учителя, можетъ быть привлеченъ и попечитель и всякій интересующійся дѣломъ воспитанія дѣтей въ духѣ православной вѣры. Они и могутъ быть организаторами дѣтскихъ празднествъ въ отсутствіе учителя. Ихъ и долженъ подготовить батюшка съ учителемъ къ посильной службѣ школѣ и школярамъ въ то время, когда и пастырь и наставникъ сами лично не могутъ быть съ дѣтьми...

Мы указали немногія средства борьбы школьныхъ дѣятелей съ алкоголемъ. Практическій опытъ, опытъ часто незамѣтныхъ дѣятелей, пока не даетъ возможности сказать о чемъ-

либо большею въ дѣлѣ борьбы съ алкоголемъ ⁴⁾. Но можно надѣяться, что

⁴⁾ Не маловажное значеніе, въ дѣлѣ выясненія общихъ мѣропріятій въ борьбѣ съ пьянствомъ, составляетъ вопросъ о школьныхъ, товарищескихъ кружкахъ. Но наше сужденіе о нихъ извѣстно уже читателямъ „Божіей Нивы“, въ которой были помѣщены двѣ статьи (Уварова и наша), посвященные этому вопросу.

ратъ вдумчивыхъ тружениковъ на нивѣ дѣтскихъ сердецъ дать и новые опыты, пригодные къ борьбѣ съ пьянствомъ. Побольше-бы только энергичныхъ дѣятелей. Оживеть и расцвѣтеть и самое дѣло священной борьбы съ тяжелымъ народнымъ недугомъ.

Димитрій Введенскій.

НАРОДНАЯ ХРИСТОМІЯТІА.

—.....И при всемъ томъ, книга, которая нужна въ сельской школѣ,—вищающая матеріалъ для чтенія, и для дѣльнаго обученія русскому языку,—еще не написана“...

С. А. Рачинскій.

„Сельская школа“, стр. 66.

Бѣгство деревенскаго люда въ города, на фабрики и заводы — теперь общераспространенное явленіе. Въ иныхъ мѣстахъ оно достигаетъ размѣровъ повального бѣгства... Въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, гдѣ природа къ тому-же скудно вознаграждаетъ упорный трудъ землящца, это явленіе еще понятно. Но чѣмъ объяснить то-же явленіе въ такомъ благодатномъ краю, какъ Малороссія? Въ частности это явленіе тяготѣетъ и надъ нашей народной школой. Въмѣсто того, чтобы, оставаясь въ своей средѣ, способствовать ея просвѣщенію, поднятію въ ней уровня нравственности и матеріальнаго благосостоянія, грамотная крестьянская молодежь зачастую стремится вонъ изъ деревни, въ промышленные и такъ называемые культурные центры, гдѣ, подпадая подъ вліяніе трактирной цивилизаціи, изъ года въ годъ наполняетъ собою кадры городского и заводскаго пролетаріата. Выходитъ, что деревенская народная школа готовить

дѣтей не для осмысленной и плодотворной крестьянской работы подъ Божіимъ небомъ, на виду у Бога—Создателя, — что единственно желательно,—не для тяжелого труда, имѣющаго огромное государственное значеніе, а для городовъ, фабрикъ и заводовъ!.. Намъ кажется—объясняется это отчасти давленіемъ сверху, психическимъ внушеніемъ болѣе сильныхъ умственно классовъ на классы низшіе, умственно незрѣлые. Мысль эта не новая; ее подробно развивалъ еще С. А. Рачинскій. И въ самомъ дѣлѣ: несмотря на существованіе у насъ обширной и блестящей народнической литературы, средней классъ русскаго общества все еще презираетъ мужика, какъ недавняго раба, презираетъ и его тяжелый земледѣльческій трудъ, именуя его „чернымъ“, рабскимъ трудомъ... Въ этомъ, внѣшне-объевропейшемся обществѣ, отличающемся „гаденькою, любезничащею грязноватостью“, по мѣткому выраженію С. А. Рачинскаго, считается признакомъ

хорошаго тона—вышучиваніе мужичка, презрительное отношеніе къ его жизни, его вѣковому труду, устоямъ и міросозерцанію... А это не можетъ не импортировать грамотному крестьянину, силою вещей вынужденному встать въ соприкосновеніе съ этимъ полуобъевропеившимся обществомъ на первыхъ же ступеняхъ своей сознательной жизни. Передъ нами отчетъ о Вороновицкомъ двухклассномъ сельскомъ народномъ училищѣ, составленный за 25 лѣтъ существованія этого училища учителемъ его Григоріемъ Сovenko... „Пищущему эти строки“,—свидѣтельствуесть авторъ на страницѣ 21-ой, — „приходилось иногда бывать на заводѣ во время самага производства, и что-же? Онъ на каждомъ шагу въ заводѣ и точно въ каждомъ его уголкѣ встрѣчаетъ веселыя лица своихъ самыхъ близкихъ къ нему людей — бывшихъ его учениковъ“... Авторъ не замѣчаетъ, какою жестокою ироніей звучить это откровенное признаніе, очевидно, рассчитанное на просвѣщенное сочувствіе читателя.

Мы глубоко увѣрены, что въ развитіи этого явленія виновата отчасти сама школа. Въ то время, когда въ родной семьѣ крестьянской мальчикъ живетъ жизнью своего поля, огорода, пчельника, садика,—школа, особенно свѣтская, старается внушать ему одни голыя знанія, безъ всякаго практическаго примѣненія ихъ къ обыденной деревенской дѣйствительности. Деревенскому мальчику естественнѣе читать на первыхъ-же порахъ школьнаго обученія о родной нивѣ, о сохѣ кормилицѣ, о лошадкѣ, о буренушкѣ, о святости и величїи крестьянскаго труда, о его высокомъ нравственномъ значеніи въ ряду другихъ занятій и обязанностей. Ему полезнѣе было-бы узнать современное положеніе сель-

скаго хозяйства, познакомиться, хоть отчасти, путемъ художественныхъ описаній, съ лучшими способами обработки земли, съ главнѣйшими условіями ея наибольшей производительности... А его, взамѣнъ этого, знакомить съ устройствомъ комода, этажерки, дивана, прессъ-папье, и множествомъ другихъ, совершенно ненужныхъ ему вещей, составляющихъ предметы комфорта городского обывателя...—Крестьянскому мальчику, глядящему на міръ религіознымъ взглядомъ, прежде всего желательно найти въ книгѣ отраженіе собственныхъ религіозныхъ чувствъ и настроеній... Въ отношеніяхъ нашего крестьянства къ Церкви, въ его величаво-простомъ міросозерцаніи, основанномъ на глубокомъ чувствѣ религіи, заключенъ неисчерпаемый источникъ дивной, недосыгаемо-чистой поэзіи нравственной силы и назиданія... Но пускай укажутъ хоть одну христоматію для класснаго чтенія въ сельскихъ школахъ, гдѣ-бы *полно и художественно* воспроизведены были все радости и горести крестьянской трудовой жизни, гдѣ бы крестьянскій мальчикъ могъ-бы узнать самого себя и свою родную дѣйствительность въ художественныхъ, проникнутыхъ свѣтомъ любви и знанія, образахъ?—Все описанія крестьянской жизни, помѣщаемыя въ христоматіяхъ, писались людьми интеллигентными, наблюдавшими крестьянскую жизнь извнѣ, такъ сказать—сбоку, и потому они, въ большинствѣ случаевъ, водянисты, теоретичны и отзываются иногда фразерствомъ. — Народъ еще до сихъ поръ не раскрылъ намъ всей захватывающей, высоко-облагораживающей поэзіи своей трудовой жизни; а что эта поэзія существуетъ, — въ этомъ убѣждаютъ насъ высокія качества души народной, сбереженныя

подъ тяжкимъ игомъ рабства и униженія...

По нашему глубокому убѣжденію—церковная школа въ настоящее время наиболѣе подходит къ истиннымъ духовнымъ потребностямъ народной жизни. Духовенство во всѣ вѣка жило совместно съ народомъ, вмѣстѣ съ нимъ молилось, терпѣло вѣковыя невзгоды, вмѣстѣ хозяйничало, въ потѣ лица добывая свой хлѣбъ насущный, — и только оно пока близко къ народу, только оно, какъ слѣдуетъ можетъ вникнуть въ его истинныя нужды и потребности.. Церковная школа и создавшее ее духовенство являются поэтому какъ бы объективными выразителями лучшихъ стремленій народныхъ... Нравственно-религіозное воспитаніе подъ покровомъ Церкви и улучшеніе матеріальнаго благосостоянія народа путемъ сообщенія ему рациональныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній—вотъ идеалъ церковной школы. — Правда, она еще только недавно выступила на свое трудовое поприще и ея просвѣтительныя стремленія пока не согласуются съ наличными средствами. Но церковная школа стоитъ на вѣрномъ и прочномъ пути; народъ глядитъ на ея дѣло, какъ на дѣло Божіе, душевспасительное, и идетъ къ ней съ открытой душой, съ неугасимой жаждой религіозно-нравственнаго поученія. У нея въ скоромъ времени будетъ запасъ вполне подготовленныхъ учителей, взятыхъ непосредственно изъ самого-же народа и не оторванныхъ отъ родной крестьянской дѣйствительности воспитаніемъ въ учительскихъ школахъ... Сохраняя въ своей душѣ идеалы крестьянства, эти учителя будутъ естественными, живыми проводниками сельско-хозяйственныхъ знаній въ народъ, первыми пионерами сельско-хозяйственнаго возрожденія..

Многія сотни такихъ учителей уже работаютъ въ церковныхъ школахъ. И намъ кажется, что только эти учителя, непосредственно знакомые съ радостями и горестями деревенской жизни, эти дѣти самого народа, могутъ и должны помочь составить народную христоматию для чтенія въ крестьянской школѣ. — Авторамъ статей для такой христоматіи необходимо одно главное условіе—беззавѣтная любовь ко всему, что составляетъ жизнь крестьянина, глубокое и непосредственное проникновеніе поэзіей пашни, лѣса, сѣнокоса, необходимо думать и чувствовать по-крестьянски, и уже потомъ умѣть излагать эти мысли и чувства хорошимъ литературнымъ языкомъ, что вовсе не недостижимо: „послѣ Пушкина всякій можетъ хорошо писать“, сказалъ Гончаровъ въ отвѣтъ на благодарность ему за хорошую слогъ его сочиненій..

Значительную помощь неопытнымъ авторамъ могли бы оказать существенную помощь о.о. завѣдующіе школами, какъ несравненно болѣе подготовленные въ литературномъ отношеніи. О.о. завѣдывающіе школами могли бы и сами дать высоко-художественный матеріаль для народной христоматіи.

Примѣромъ того, какъ много значить въ глазахъ крестьянина хорошая книжная статья, нравственно-освѣщающая его обыденную жизнь, можетъ служить извѣстный рассказъ князя Одоевскаго о томъ, какъ крестьянинъ Спиридонъ научилъ крестьянина Ивана не пить вина, и что изъ того вышло, помѣщенный въ книгу для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ А. Радонежскаго.

Помню — чтенію и разбору этой статьи было посвящено нѣсколько уроковъ. Съ каждымъ новымъ чтеніемъ статьи интересъ къ ней учени-

ковъ усиливался; вечерами рассказомъ „о дядѣ Спиридонѣ“ зачитывались взрослые; ея всячески комментировали, мораль ея прилагалась къ дѣйствительности, внося искру свѣта и сознанія въ сѣрыя крестьянскія будни, озаряя ихъ свѣтлымъ лучомъ идеала... Уже много времени спустя когда мнѣ все еще обращались подростки— бывшіе питомцы школы и взрослые грамотные — съ просьбою дать книжку „про дядю Спиридона“... И для составленія народной христоматіи вовсе не требуется специалистовъ по агрономіи, имѣющихъ въ запасѣ тысячи неудобопонятныхъ терминовъ; тутъ достаточно одной любви къ народу, достаточно истиннаго пониманія его насущныхъ потребностей...

Статьи народной христоматіи должны имѣть не сухо научный, не отвлеченно-схоластическій характеръ; онѣ должны быть, конечно, прежде всего идейны, художественны, должны заключать въ себѣ нравственное поученіе или указаніе; цѣль ихъ должна состоять въ уясненіи народу величія и святости его собственнаго земледѣльческаго труда, высоты и правдивости его основныхъ нравственныхъ убѣжденій, взглядовъ, обычаевъ.— Путемъ художественныхъ статей лучшая часть общества должна внушать на-

роду истинное самоуваженіе, лишенное самохвальства и кичливости, истинное пониманіе своего человѣческаго и гражданскаго достоинства, должна внушать народу любовь и уваженіе къ своему вѣковому труду, къ своимъ нравственнымъ устоямъ и міросозерцанію...

Истинная любовь къ народу и истинное пониманіе его насущныхъ нуждъ и потребностей наиболее присущи нашему сельскому духовенству и учителямъ сельскихъ школъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ такіа незабвенныя личности, какъ о. Іоаннъ Наумовичъ и нашъ С. А. Рачинскій.— Въ нашихъ школьныхъ христоматіяхъ почему-то мало встрѣчается выдержекъ изъ сочиненій о. Іоанна Наумовича и Рачинскаго (его паломничество въ Нилову пустынь цѣликомъ могло бы быть внесено въ народную христоматію). А это очень жаль...

Наша церковная школа тѣмъ то и велика и драгоцѣнна, что она чутко прислушивается къ запросамъ и требованіямъ народа, и старается отвѣтить на нихъ возможно полнѣе и всестороннѣе. Поэтому въ школъ обученіе должно быть народнымъ, начиная съ общей постановки школьнаго дѣла и кончая христоматіей...

Учитель *Стефанъ Назубовскій.*

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника

учителя-крестьянина).

21 Ноября. Сегодня, пользуясь свободнымъ днемъ, я отправился послѣ обѣда погулять по селу. Проходя мимо одного садика, я увидѣлъ на низенькой вешалкѣ (деревянный) кружокъ,

утвержденный горизонтально на сучкѣ. Я подошелъ поближе и увидѣлъ, что кружокъ этотъ сверху весь покрытъ петлями изъ конскихъ волосъ, вбитыми въ кружокъ съ деревянными гвоздиками. Посреди кружка выдол-

Продолженіе. См. съ № 8 по 28.

блена ямочка, а въ ней насыпано сѣмя. Съ одного бока висѣла удавившаяся синичка. — „Несомнѣнно это — продѣлки дѣтей и, можетъ быть, изъ числа моихъ учениковъ“, подумалъ я и отцѣпилъ мертвую птичку. Бѣдняжка висѣла, вѣроятно, давно, потому что отъ мороза была тверда какъ мерзлый комъ глины. Я взялъ ее и принесъ на квартиру, а завтра понесу въ классъ, покажу дѣтямъ съ соответствующимъ наставленіемъ, а можетъ быть удастся открыть и преступника.

22 Ноября. Явившись сегодня въ классъ, я, послѣ молитвы, велѣлъ ученику старшаго отдѣленія прочитать статью изъ учебника подъ заглавіемъ „Доброе дитя“, гдѣ говорится о томъ, какъ одна маленькая дѣвочка сжалилась надъ птичками въ студеный зимній день и кормила ихъ хлѣбными крошками.

По прочтеніи статьи, я расхвалилъ душевныя качества доброй дѣвочки, а потомъ вдругъ вынулъ изъ кармана синичку съ уцѣлѣвшей на шейкѣ петлей, оторванной мною вчера при снятіи съ кружка птички и, показывая ее дѣтямъ, спросилъ ихъ: „А хорошо ли, дѣти, дѣлаетъ тотъ, кто ставитъ силки для бѣдныхъ птичекъ, отчего онѣ погибаютъ?“

Хоръ дѣтскихъ голосовъ отвѣтилъ отрицательно.

— „А не изъ васъ-ли кто такъ дѣлаетъ?“ спросилъ я опять.

Отвѣтомъ мнѣ на сей вопросъ было гробовое молчаніе.

— „Не ты, Вася?“ подошелъ я къ одному мальчугану, который безъ малѣйшей запинки и измѣненія въ лицѣ отвѣтилъ: „Нѣтъ!“ Я — къ другому, къ третьему и т. д. Человѣкъ 15 обошелъ и дошелъ до ученика В—ва. Этотъ мальчикъ очень плохо учится, не исправно посѣщаетъ школу и, какъ я

слышалъ ранѣе, занимается ловлею птичекъ. На него-то и пало мое подозрѣніе.

— „Не ты-ли?“ спросилъ я, глядя ему прямо въ глаза. Малышъ смутился и потупился. Преступникъ былъ угаданъ. Я, боясь обратить на него вниманіе прочихъ учениковъ, поспѣшилъ къ другимъ.

Обличить В—ва при всѣхъ по моему было не тактично: пожалуй, еще ожесточится и оставитъ школу. Я рассудилъ поговорить съ нимъ наединѣ.

Уроки прошли. Послѣ молитвы вызвалъ я В—ва къ себѣ въ комнату, подъ предлогомъ перемѣнить ему разбитую доску и довелъ его до сознанія. Мальчикъ со слезами на глазахъ обѣщался больше не заниматься ловлею птичекъ.

8 Января. За Декабрь я не писалъ дневника: особеннаго-то въ этомъ мѣсяцѣ для меня ничего не случилось, да мнѣ и недосугъ было, потому что все время читалъ кое-гдѣ раздобытыя книги — житія святыхъ и нѣкоторыя изъ сочиненій Св. Отцевъ и учителей Церкви. Во всѣхъ этихъ книгахъ очень много полезнаго и поучительнаго. Словно въ зеркалѣ отражается въ нихъ благочестивая жизнь христіанъ первыхъ вѣковъ. Закрывая послѣднюю прочитанную книгу, я не могу удержаться, что-бы не написать что-либо въ свой дневникъ по поводу прочитаннаго. Это будетъ, такъ сказать, полезнымъ итогомъ для меня.

Въ нынѣшнее время вездѣ и всюду толкуютъ, пишутъ и разсуждаютъ о воспитаніи молодого поколѣнія русскаго народа въ духъ истинно-христіанскомъ. Для этой цѣли вырабатываются извѣстные проекты, планы, правила и программы, по которымъ должно быть направлено это воспитаніе, воспитаніе чистыхъ, невинныхъ

еще младенческихъ душъ и сердець. Похвальное, достойное уваженія, но многотрудное и сложное дѣло...

Какъ и что должно быть преподаваемо народу для утвержденія его религіозности при посредствѣ школь, о семъ я писать не стану: это извѣстно всякому, но напишу нѣсколько строкъ о томъ, какъ, судя по свидѣтельству святоотеческихъ творений и житій святыхъ, воспитывались хрістіане первыхъ вѣковъ; тѣ хрістіане, которыхъ ни огонь, ни желѣзные орудія пытокъ, ни кипящая смола, ни расплавленное олово, ни мракъ темницъ, ни обѣщаніе почестей и славы, ни самая смерть не могли поколебать вѣры въ Господа Иисуса Христа; тѣ хрістіане, изъ среды которыхъ вышли доблестнѣйшіе мученики и страсто-терпцы, достохвальнѣйшіе святители, богоглаголивые учителя Церкви, величайшіе подвижники и пустынножители.

И тогда, т. е. въ первые вѣка хрістіанства, хрістіане жили семьями, и главною основою семьи былъ бракъ. Брачная и семейная жизнь ихъ достойна подражанія.

Бракъ ихъ былъ ничто иное, какъ союзъ любви и чистоты, жизнь же — постоянное упражненіе въ исполненіи ученія Господа и Его Св. Апостоловъ. Члены семействъ старались оказывать другъ другу взаимную любовь и уваженіе, супруги старались соблюсти взаимную вѣрность и цѣломудренность, ибо вступать въ бракъ ихъ побуждала, какъ свидѣтельствуешь одинъ изъ современниковъ¹⁾, не грубая чувственная страсть, но желаніе имѣть дѣтей, будущихъ членовъ Церкви и сонаслѣдниковъ вѣчнаго блаженства. Поэтому они смотрѣли на дѣтей сво-

ихъ, какъ на даръ Божій и старались воспитать ихъ такъ, что-бы вся послѣдующая жизнь этихъ дѣтей была всецѣло посвящена Богу.

Это воспитаніе начиналось съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтяти: „вы, матери, учите вашихъ маленькихъ (дѣтей) рукою знаменоватъ чело, и, прежде нежели они будутъ въ состояніи сами дѣлать, вы печатлѣвайте на нихъ крестъ“¹⁾, такъ учили св. отцы Церкви. Въ наставленіи къ матерямъ же св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „сдѣлавшись матерями, освятите себя и дѣтей Всевышнему“. И матери дѣйствительно старались и себя и дѣтей посвящать Ему: будучи сами усердными посѣтительницами богослужебныхъ собраній, онѣ и самыхъ малыхъ дѣтей своихъ, не умѣвшихъ еще ходить, брали съ собою, дабы на зарѣ ихъ жизни приучить ихъ къ посѣщенію этихъ собраній, вселить въ нихъ благоговѣніе ко всему святому, церковному, подавая имъ примѣръ своею благочестивою жизнію, которая служила какъ-бы прекрасною книгою для дѣтей, изъ которой сіи послѣдніе научались подражать въ вѣрѣ своимъ благочестивымъ родителямъ, запечатлѣвая въ своей памяти навсегда лучшіе поступки послѣднихъ, служившіе потомъ дѣтямъ руководствомъ на цѣлую жизнь. Даже въ тяжкія минуты страданій благочестивыя матери старались укрѣпить и дѣтей своихъ на подобный подвигъ: „дѣти, — говорила мать-хрістіанка²⁾ своимъ дѣтямъ, имѣющимъ идти на страданія за Христа, — смотрите на небо, туда поднимите ваши глаза, гдѣ Христосъ съ Своими Святыми ждетъ васъ! Сражайтесь за души ваши, докажите любовь къ вашему Спасителю!“

¹⁾ Златоустъ.

²⁾ Св. мч. Фелицитата.

¹⁾ Иустинъ муч.

За добрая, здравыя и спасительныя наставленія, за богоугодное воспитаніе и дѣти платили своимъ родителямъ такую любовь, такимъ уваженіемъ, что даже опасность смерти не могла поколебать въ нихъ этой любви. Такъ, напримѣръ, одна дочь, видя, что ея мать томится голодомъ въ темницѣ за исповѣдываніе имени Христова и что доставленіе пищи въ сію темницу строго воспрещено, рѣшилась поддержать жизнь своей родительницы молокомъ собственной груди! Долгъ платежемъ красенъ! Этотъ поистинѣ трогательнѣйшій поступокъ размягчилъ даже окаменѣлыя сердца самихъ мучителей-язычниковъ, и сіи послѣдніе смягчили участь доблестныхъ христіанокъ. Во время мученій не разъ случалось, что не одни только родители укрѣпляли въ вѣрѣ дѣтей своихъ, но было и такъ, что и дѣти старались укрѣпить родителей, мужья—женъ и наоборотъ. Всѣ были проникнуты единокорнымъ желаніемъ присоединить къ богоугодной жизни и вѣнецъ мученичества, ибо твердо вѣрили, что встрѣтятъ своихъ любимыхъ присныхъ тамъ, въ чертогахъ небесныхъ, которые Господь приготовилъ любящимъ Его. Но, какъ ни велика была любовь

дѣтей къ родителямъ, но она не была выше любви дѣтей къ Богу: „Почитай отца твоего,—говорятъ древніе Учители Церкви,—но только до тѣхъ поръ, пока онъ не отвлекаетъ тебя отъ истиннаго Отца. Заповѣдь — любить послѣ Бога родителей и друзей, имѣетъ полную силу, когда же то и другое не совмѣстимо, то Бога надобно предпочесть“. Исполненіе сего ученія мы видимъ въ житіи св. Великомученицы Варвары и многихъ другихъ св. мучениковъ, родители или вообще родственники которыхъ были закоренѣлыя язычники. Кто же были воспитателями самихъ родителей древнехристіанскихъ и вообще мучениковъ? Тѣ, которымъ Самъ Господь поручилъ это говоря: „пешше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, Учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ“, т. е., Апостолы, а послѣ нихъ ихъ воспріемники—пастыри и учителя церковные, вотъ кто были истинными воспитателями древнихъ христіанъ, вотъ кто умѣлъ вдохнуть въ нихъ такую вѣру и за вѣру крѣпость и терпѣніе въ страданіяхъ, которымъ удивлялся, удивляется и будетъ удивляться вся подсолнечная.

Учит. Е. Нуликовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСТЫ И ВСОХДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XXXII.

Еще объ учительницѣ.—Два свѣтлыхъ примѣра.—Грустный конецъ „за други своя“.

Если бы все то доброе и святое, что въ тиши и глуши по всей необъятной Матушкѣ-Руси дѣлаютъ и что переживаютъ наши скромныя милыя труже-

ницы—учительницы школъ,—собрать въ одну книгу, въ одно описаніе,—какая бы это была поучительная, прекрасная, великая книга, какая чудная, трогательная, без-

подобная повѣсть! Обь этомъ едва можно составить себѣ хотя приблизительное представление по тѣмъ отдѣльнымъ неподражаемо-жизненнымъ и трогательнымъ описаніямъ, которымъ удается проникнуть въ печать и стать достояніемъ всеобщаго любованія, удивленія и прославленія.

Нѣкоторые писатели избираютъ своею цѣлью—врачевать пошлость жизни публичнымъ обнаженіемъ этой пошлости, какъ будто можно видою пьяной и нагой продажной женщины, удѣломудрить развращеннаго до мозга костей и сердцеви души современнаго „человѣка“. Не гораздо ли лучше было бы подойти къ жизни съ другой стороны? Въдѣ право—не такъ ужъ она скудна свѣтлыми и добрыми примѣрами, чтобы разочаровываться въ ея положительной поучительности и предпочитать учить ей не красотою свѣтлыхъ и привлекательно—добрыхъ образцовъ, а циничнымъ безобразіемъ темныхъ и заразно-грязныхъ ея отбросовъ...

Развѣ не достаточно освѣщается, трогается и возвышается душа, внимаая—напримѣръ—слѣдующимъ изображеніямъ жизни, расцвѣтшей овъ самомъ, такъ сказать, „пелѣ“ народной темноты, глуши и захолустности. Я вѣнчаю въ этомъ 1. Въ сѣверо-восточной части Ирбитскаго уѣзда, вблизи границы Тобольской губерніи, есть село (къ сожалѣнію, неназванное полностью писателемъ). Приходъ этого села, вмѣстѣ съ деревнями, до 2500 душъ обоего пола. Средоточіе всей любви прихожанъ здѣсь—школа, существующая около 10 лѣтъ (съ 1893 года). Сначала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ школѣ было небольшое число учащихся, пока не назначена была сюда учительница Е. И. М., которая оказалась весьма способною обучать дѣтей церковному пѣнію. Число учащихся въ школѣ быстро стало увеличиваться, и въ послѣднее время она совершенно переполнена. Учительница образовала хоръ человѣкъ въ 40, въ которомъ,

кромѣ учащихся, принимаютъ участіе до 10 человѣкъ уже окончившихъ курсъ... Стройное пѣніе хора пріохотило народъ къ храму Божію, и теперь въ воскресные и праздничные дни храмъ бываетъ полонъ молящихся; много бываетъ въ храмѣ не только изъ ближайшихъ деревень, даже другихъ приходоу, но и изъ ближайшихъ селъ, гдѣ нѣтъ церковныхъ хоровъ. Съ особенною пріятностію вспоминалъ одинъ изъ посельчанъ, въ разговорѣ съ наблюдателемъ, какъ учительница усердно готовилась къ пѣнію, въ минувшій праздникъ Рождества Хридова, какъ хоръ стройно пѣлъ въ этотъ праздникъ и какъ охотно принимали вездѣ пѣвчихъ, посѣщавшихъ съ концертомъ болѣе зажиточныхъ прихожанъ. По словамъ этого посельчанина, хоръ собралъ значительное количество денегъ, которыя учительница раздѣлила между участниками, сообразно съ ихъ трудами и значеніемъ въ хорѣ. Свою бесѣду разсказчикъ закончилъ такими словами: „если учительница Е. И. оставитъ нашу школу, то и дѣтей туда будемъ посылать неохотно, да и сами мало по малу отвыкнемъ отъ храма Божія. Да, такой учительницы не часто можно встрѣтить“.

„На утро я былъ въ школѣ“, сообщаетъ самъ наблюдатель, „и присутствовалъ на утренней молитвѣ, на которой учениками были спѣты нѣкоторыя молитвословія. Стройное пѣніе молитвъ вполне подтвердило слова прихожанина, что учительница усердно занимается церковнымъ пѣніемъ. На урокъ пѣнія учительница показала знакомство учащихся съ итальянскими и квадратными нотами, пропѣвъ съ ними нѣсколько упражненій по руководству Комарова, высланному въ школу Комитетомъ попечительства о народной трезвости, а по Обиходу—догматикъ 7 гласа, пѣснопѣнія литургіи Василія Великаго (Достойно и праведно есть, Ост. Тебѣ радуется) и нѣкоторыя канты изъ „Лепты“. Тщатель-

стѣнѣ и останавливается у головы больной. Чудится, что она уже умерла. Мать бросается къ кровати и прислушивается. Слабое дыханіе успокаиваетъ ее: она уснула.

Больной лучше. Она сидитъ и пьетъ молоко. Горячій, свѣтлый лучъ весенняго солнца ласкаетъ ея исхудавшее тѣло. Ей такъ хорошо, такъ тепло. Два мальчугана сидятъ невдалекѣ и веселыми, улыбающимися глазенками глядятъ на свою учительницу. Она теперь уже „здоровая совсѣмъ“— и настояла, чтобы ихъ привели. Она разспрашиваетъ ихъ о школѣ, о больныхъ. Хотѣла проходить съ ними ариметику, да „злой“ докторъ не позволилъ. „Я скоро встану и пойду къ вамъ“,— говоритъ она, и въ ея серьезныхъ, задумчивыхъ сѣрыхъ глазахъ мелькаетъ сожалѣніе, что она сейчасъ не можетъ этого сдѣлать. Мать повесѣвшая, радостная, хлопотливо готовится какое-то питье. За окномъ слышно усиленное щебетанье воробьевъ, радующихся солнцу, веснѣ, зелени. Солнце теплое, благодатное сушитъ жизнь, весну, счастье. Пршло два дня. Больной хуже. Настала ночь. Опять мучительно бьется ея исхудавшее, измученное тѣло. Опять яркій румянецъ горитъ на щекахъ, а глаза глядятъ дико, испуганно. И бредъ тяжелый, полный кошмаровъ, не оставляетъ больной. Въ углу предъ образомъ въ изнеможении склонилась мать, и вдругъ...

Со двора неся шумъ: то готовили экипажъ, чтобы послать за докторомъ. Всѣхъ точно громъ поразилъ внезапный приступъ болѣзни. Въ двери осторожно глянуло испуганное, блѣдное лицо священника, брата больной, и скрылось. Онъ спѣшилъ за докторомъ. Изъ кровати неся едва слышный голосъ бредящей: „мамочка... смотри, Василько умираетъ... Что дѣлать, Воже!.. Ты говоришь—я заразилась отъ него... Нѣтъ, я здорова, а онъ... это онъ отъ меня... заразился... а я совсѣмъ, совсѣмъ

здорова, видишь?... Зачѣмъ такъ скоро экзамены... зачѣмъ?... Слова становились все тише, неразборчивѣе. „Мама, больно“,— раздался вдругъ рѣзкій, но какой-то неоконченный крикъ: „больно... мама, унеси меня... унеси... я боюсь“.

Въ комнату вошелъ врачъ. Онъ нагнулся, посмотрѣлъ, и на его равнодушномъ лицѣ промелькнула какая-то тѣнь. „Что съ ней?“— бросилась къ нему мать. „Возвратный тифъ“,— какъ-то нехотя произнесъ докторъ и отвернулся. По его лицу видно было, что „все кончено“. Мать судорожно бросилась къ кровати и зарыдала. Тѣло ея уже лежало въ бѣломъ платѣ, убранная цвѣтами, точно невѣста. Такая маленькая, тоненькая. Священники служили панихиды, и дымъ кадиль, сплетаясь съ свѣсомъ и пѣснопѣніями, плавно, неслышно носился вокругъ нея. А она лежала спокойная, съ дѣтски-чистымъ лицомъ. И чудилось, что вотъ-вотъ откроются задумчивые глаза и она заговоритъ своимъ глубокимъ, не по лѣтамъ серьезнымъ голосомъ,— такимъ, какимъ она годъ тому назадъ говорила рѣчь при выходѣ изъ духовнаго училища. И вспоминается эта рѣчь, сказанная съ такой силой, съ такой вѣрой въ то, что говорилось. Вспоминаются ея горячія рѣчи о добрѣ, о томъ, что такъ нельзя жить, какъ живетъ большинство окончившихъ училище, ничего не дѣлая, — что нужно приносить пользу обществу, чѣмъ кто можетъ. „Я буду учительницей“, — слышался мнѣ ее серьезный голосъ, — и глаза ея глядѣли задумчиво и рѣшительно. И поневолѣ чувствовалось, слушая ее, что она будетъ учительницей не отъ нечего дѣлать, а потому, что она любитъ и стремится къ этому святому дѣлу. И вотъ она достигла желаемого. Всѣ лучшія силы и способности старалась она вложить въ свою работу. И она, эта работа, взяла у нея все: не однѣ спо-

собности, но и здоровье и всё силы. Помните мнѣ тѣсный класъ, полный дѣтей, облака пыли въ немъ и она, носящаяся, точно въ туманѣ, отъ одной парты къ другой. Помните мнѣ зимніе морозы съ вѣтромъ, пронизывающіе, леденящіе, въ которые она, едва выпивъ чай, мчалась въ школу и возвращалась вечеромъ. Помните ея маленькая фигурка въ тѣсныхъ, курныхъ избѣнкахъ, полныхъ холода и сырости, склоненная надъ больнымъ ученикомъ или ученицею... Тамъ она и заразилась тифомъ.

И теперь, точно подрѣзанная бѣлая лilia, лежитъ она во гробѣ. Сколько силъ, чистыхъ стремленій хранилось въ этомъ молодомъ хрупкомъ тѣлѣ!

Черезъ три дня ее хоронили.

Мать убитая, обезсиленная, еле-еле шла за гробомъ и уже не плакала: слезъ не хватало. Цѣлая толпа крестьянъ шла съ плачемъ проводить свою „пташечку“, какъ они ее называли за ухаживаніе за больными. На глазахъ учениковъ видѣлись неподдѣльные, чистыя, святыя дѣтскія слезы. Рѣчей не говорили тамъ: вздохи народа и слезы дѣтей были краснорѣчивѣе всякихъ рѣчей. Въ воздухъ было тихо. Высоко въ небѣ пѣлъ жаворонокъ и трепеталъ маленькими крылышками. Гдѣ то далеко-далеко чуть слышно ему откликался другой. Заходящее солнце бросало золотые прощальные лучи. Голубое чистое небо казалось безбрежнымъ, какъ сама

вѣчность. Тяжелая, безотрадная грусть камнемъ ложится на душу при воспоминаніи объ этой, такъ рано погибшей, молодой жизни. Хочется что-то сдѣлать, чѣмъ-то помочь. Но... она уже тамъ, „идѣе нѣсть болѣзнь ни печаль“...

Эта трогаящая до слезъ трагедія записана въ память одной изъ „скромныхъ труженицъ“ — умершей учительницы с. Троповой Елены Левицкой (*В. Галевичъ*, Подольскія Еп. Вѣд. № 18, 1904 г.).

Развязка дѣйствительно грустная и жалости достойная. При всемъ томъ, „тяжелая безотрадная грусть“ автора здѣсь должна исчезать въ чувствѣ, что это была истинно *идейная* кончина, — та кончина „за други своя“, которая въ Евангелии полагается высшею мѣрою любви къ ближнему и подражанію Спасителю.

Эта кончина есть, съ другой стороны, какъ бы прелестный *символъ* вообще самоотверженно-труженической жизни нашихъ юныхъ учительницъ, хрупкихъ тѣломъ, но крѣпкихъ духомъ и любовью къ тѣмъ, темной средѣ которыхъ онѣ не задумываются посвятить всё свои нѣжныя силы, дарованія и жизнь. Поистинѣ, подобно первымъ проповѣдникамъ Христовой истины, онѣ не разъ только, но *по вся дни умираютъ*, какъ бы „ражда“ этимъ непрерывнымъ умираніемъ новыхъ и новыхъ лучшихъ чадъ св. Церкви, вѣрныхъ и достойныхъ сыновъ вѣры, Царя и отечества.....

Вмѣсто библиографіи.

Малое слово о великой книгѣ.

„Великой“... да, — эту книгу вполне можно такъ назвать, несмотря на то, что она стоитъ всего только семь копѣекъ. Школы должны употребить всё усилія на то, чтобы эта книжка получила возможно широкое распространеніе въ народѣ. Она, положимъ, и теперь выдержала около тридцати изданій, но ей нужно выдержать ихъ въ де-

сятъ разъ болѣе. Редакція „Божіей Нивы“, думается намъ, не откажетъ дать въ своемъ журналѣ мѣсто тѣмъ немногимъ строкамъ, которые мы посвятили книжкѣ Высокосвященнаго Митрополита Московскаго Иннокентія — „Указаніе пути въ Царствіе Небесное“. Они написаны нами какъ однимъ изъ членовъ существующей при

нашей школъ комиссіи (сост. изъ 5 преподав.), которая „взяла на себя трудъ разсматривать всѣ учебники, руководства, книги и пособія для обученія, выписываемые въ учительскую и ученическую бібліотеки, составлять отчеты о прочитанномъ и доводить ихъ до общаго свѣдѣнія лицъ преподающихъ“¹⁾.

Вотъ что написано нами въ журналѣ комиссіи о книгѣ Иннокентія:

Какое-то смущеніе, неловкость, а пожалуй даже и стыдъ испытываешь, когда приходится говорить объ этой книгѣ. Намъ ли говорить о ней? Что можемъ мы сказать объ этой книгѣ? Вѣдь она написана не въ тепломъ кабинетѣ, на мягкомъ креслѣ, за стаганомъ горячаго чаю. Ее написалъ человекъ, самолично измѣрившій необозримыя сибирскія тундры и даже впервые прокладывавшій по нимъ дороги, неоднократно ночевавшій въ этихъ самыхъ тундрахъ, прямо на свѣту, на открытомъ мѣстѣ, при 50° мороза,—человѣкъ, которому, въ его развѣздахъ отъ Алтая до Чукотскаго Носа и отъ Лены до Охотскаго моря, число сдѣланныхъ верстъ приходилось считать не десятками и не сотнями а тысячами,—лицо, апостольскимъ подвигамъ котораго удивляется весь міръ. Мысли, вошедшія въ эту книгу, складывались и укрѣплялись подъ вой страшной сибирской пурги, отъ которой трещала и тряслась убогая, бревенчатая, со щелями, землянка, пріютившая на ночь великаго миссіонера.

Что можно сказать объ этой книгѣ? Она сама говоритъ за себя. О ней давно сказали свое слово самъ великій Русскій народъ,—не та, незначительная, часть его, которая читаетъ газеты и журналы... Нѣтъ. Книгу Иннокентія одобрилъ почти ничего не читающій простой, сѣрый народъ: онъ раскупилъ ее въ несмѣтномъ количествѣ экземпляровъ, давъ ей возможность выйти 29 изданіемъ, каждое въ страшно огромномъ количествѣ экземпляровъ.

Написана она первоначально для алеутовъ, на ихъ родномъ языкѣ, а теперь переведена и на другіе языки.

Содержаніе ея особенное. Это не катехизисъ, и не правоученіе, а изображеніе сокровенной, таинственной жизни хрістіанскаго сердца, указаніе тѣхъ путей, идя которыми человекъ *опытно* постигаетъ

истинность и спасительность Православной вѣры. Это—книга опыта и наталкиваетъ на опыты же.

„Приди и посмотри“,—какъ говорить въ Евангеліи Апостоль Филиппъ Наеанайлу; начни идти и увѣришься, что Христосъ Тотъ же вчера и во вѣки, Онъ живъ до сихъ поръ и реально существуетъ. Ты ощутишь Его, если захочешь послѣдовать совѣтамъ автора, если захочешь идти тѣми путями, которые ведутъ къ Нему и которые указываютъ Иннокентій.

Въ чтеніи „Указаніе“ производитъ неотразимое впечатлѣніе. Мы знаемъ одного человекъ, который изнывалъ и томился въ тоскѣ и апатіи, а эта, случайно прочтенная имъ книга, внесла въ его душу свѣтъ и радость. Тотъ же человекъ разъ, праздничнымъ вечеромъ, прочиталъ „Указаніе“ плотничьей артели, работавшей у него. Книга такъ понравилась плотникамъ, что они буквально умоляли хозяина продать имъ эту книжку.

— На, милый, возьми деньги,—ты себѣ еще купишь. Возьми, родной... Мы ее домой захватимъ, тамъ почитаютъ.

Книжку отдали. На другой годъ этотъ же человекъ нечаянно встрѣтилъ одного изъ плотниковъ. Разговоръ прямо же начался съ „Указанія“.

— Что, милый,—по всей деревнѣ твоя книжка ходила! По избамъ собирались и читали. Наберется иной разъ полна изба. „Такая книжка,—говорятъ,—сроду не слыхивали ничего такого... Спасибо, родной! А ты-то себѣ купилъ ешшо?“

И т. д., въ томъ же родѣ.

Такъ понравилась эта книжка въ глухой деревушкѣ Михайловскаго уѣзда, народу, въ особенно ласковому по отношенію къ книгѣ...

Приходилось и еще слышать подобное объ „Указаніи“.

Желательно, поэтому, самое широкое ознакомленіе народа и учениковъ съ этой книгой. Не худо бы снабжать ею каждого ученика, кончающаго школу. Много духовной пользы принесетъ она. . . . .

Теперь и въ образованныхъ классахъ, и въ народѣ все болѣе и болѣе порывается та таинственная, сокровенная, но чувствующая сердцемъ связь со Христомъ, безъ которой невозможна истинная жизнь души человеческой. Теряются нити, связывающія это взаимообщеніе. Утрачивается вкусъ къ тому, что отъ Христа и Христово. Въ ин-

¹⁾ Всѣхъ преподавателей въ школахъ около 20 человекъ.

тelligентной средѣ даже и дѣти перестаютъ считать „Боженку“ своимъ Другомъ, слушающимъ ихъ, внимающимъ въ ихъ нужды, *близкимъ* къ нимъ. Не знаютъ они Его, не чувствуютъ своимъ дѣтскимъ сердцемъ, не молятся Ему за брата Гришу и за больную коровку, не жалуется Ему ночью на кроваткахъ со слезами на то, что папа мало любитъ маму, которая все плачетъ; не караулятъ они съ трепетомъ и замираніемъ сердца полуночнаго Пасхальнаго звона, не настраиваются на серьезный, благоговѣйный ладъ въ Стратную Седмичу, когда Женить ходитъ въ полночи...

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Работа руководителей просвѣщенія о воспитаніи въ дѣтяхъ чувства любви къ красотамъ Божьяго міра — это, безспорно, одна изъ существенныхъ заботъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Пусть школьникъ научится бережному отношенію и къ растущему деревцу, и къ перелетной птичкѣ, и къ летающему мотыльку и вообще ко всему созданію Божію — и такое отношеніе смягчитъ, несомнѣнно, грубость нравовъ воспитываемыхъ дѣтей и навсегда заложитъ въ нихъ оскудѣвающее въ обществѣ чувство нѣжности, чувство отзывчивости, чувство состраданія. Выясненію важности этой стороны воспитанія дѣтей въ нашемъ журналѣ была посвящена не одна статья. И мы не думаемъ, чтобы въ истинно народной школѣ нашлись люди, думающіе объ этомъ иначе. И однако недавно въ одномъ почетномъ органѣ¹⁾ была помѣщена слѣдующая странная, чтобы не сказать болѣе, замѣтка по вопросу объ отношеніи дѣтей церковно-приходскихъ школъ къ пернатымъ созданіямъ. Вотъ эта замѣтка, которую, очевидно, не рѣшилась и сама почтенная редакція помѣстить въ томъ видѣ, въ какомъ она была прислана въ редакцію. „Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ“, читаемъ въ этой замѣткѣ, „пишетъ изъ Голованевска (Подольской губерніи), горько жалуясь на ужасное истребленіе птицъ мальчиками, учащимися въ церковно-приходскихъ школахъ. Эти жестокіе ребята сотнями уничтожаютъ гнѣзда и расхищаютъ яйца. Одинъ изъ

За обществомъ идетъ и школа. Большое, великое несчастіе, начало страшнаго духовнаго пожара!..

Не послужитъ ли книжка равноапостольнаго Иннокентія хотя небольшой струей противъ начинающаго разливаться пламени? Вѣдь она же съ первыхъ до послѣднихъ строкъ говоритъ о взаимообщеніи со Христомъ, зоветъ и манитъ къ нему (взаимообщенію) неодолимо, наталкиваетъ на него. Къ тому же она сопровождается и молитвою этого дивнаго мужа (стр. 6).

Николай Ник.

Июль 1904.

нихъ хвастался, что собралъ 160 яицъ! Если дѣло будетъ такъ продолжаться, птицы вскорѣ совсѣмъ выведутся. Нельзя жаловаться на жестокость маленькихъ истребителей — этого возрастъ безжалостенъ, но никакъ нельзя оправдать мѣстныхъ учителей и духовенство, съ вѣдома которыхъ это все дѣлается, какъ это выходитъ со словъ нашего корреспондента. Они должны бы заботиться внушить любовь къ природѣ своимъ ученикамъ и дать имъ понять, какую пользу приносятъ птицы въ борьбѣ съ вредными гусеницами, если ужъ не говорить о любви къ животнымъ, которую многіе склонны считать глупой сентиментальностью.

Читаешь эту замѣтку и естественно недоумѣваешь: что хотѣлъ сказать этимъ авторъ выписанной нами замѣтки? — Бросить ли грязью въ церковную школу, какъ это давно уже дѣлаютъ либеральные органы, или отмѣтить дѣйствительно болѣзненное явленіе въ жизни школъ Подольской губерніи? Но мы не думаемъ, чтобы ею имѣлось въ виду именно это послѣднее, потому что вѣдь всѣ болѣзненные явленія — разъ они отмѣчаются — должны вызывать не одни только суровыя и обидныя порицанія, не одни только упреки, но и слова ободряющаго указанія относительно того, какъ бороться съ тѣми или другими ненормальными явленіями. А между тѣмъ здѣсь мы читаемъ сообщеніе о слѣдующемъ, какъ будто, уже безспорномъ фактѣ, что „*учащіеся въ церковно-приходскихъ школахъ*“ (и именно — въ *церковныхъ*, а не другаго какого либо вѣдомства: это

¹⁾ Новое Время, № 10173, 1904 г. Замѣтка изъ писемъ въ редакцію.

авторъ замѣтки ужь досконально знаетъ!) съ вѣдома мѣстныхъ учителей и духовенства (и это ему хорошо извѣстно!) истребляютъ птицъ, такъ что если такъ будетъ продолжаться дѣло, то въ окрестностяхъ Голованевска *вскорѣ совсѣмъ выведутся птицы*... Это-ли ободряющее указаніе? Это-ли искреннее желаніе придти на помощь къ брату въ минуты вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній его, въ дѣлахъ вѣдѣнія и невѣдѣнія?.. И посмотрите, какъ уныло или, быть можетъ, и умѣло—въ тонѣ либеральнымъ органамъ — говоритъ неизвѣстный авторъ письма въ редакцію „Новаго Времени“ о томъ, что будто-бы это истребленіе птицъ происходитъ „съ вѣдома мѣстныхъ учителей и духовенства“... Вѣдь сказать, что извѣстный фактъ совершается „съ вѣдома“ кого-бы то ни было—это значитъ сказать, что онъ совершается при гласномъ или негласномъ поощреніи... И что-же, учителя и духовенство Подольской губерніи поощряютъ истребленіе птицъ? И можетъ быть даже открыли производство чучель изъ убитыхъ птичекъ?... Вѣдь эти мысли невольно напрашиваются сами собой, когда читаешь выписанную выше странную замѣтку.

А что сказать о страхѣ автора „письма“ объ истребленіи птицъ, который одержитъ его при мысли о томъ, что будетъ дальше?.. Онъ боится, что въ окрестностяхъ Голованевска „вскорѣ совсѣмъ выведутся птицы“... Вѣдь для этого опять нужно предположить, что „съ вѣдома мѣстныхъ учителей и духовенства“ Голованевскъ будетъ огражденъ какими-нибудь необыкновен-

ными тенетами, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину и высоту, чтобы болѣе сюда, въ наказаніе школярамъ, уже не залетала ни одна перелетная птичка... Нѣтъ, во всемъ чувствуется пересоль и передержка, а не христіански любовное желаніе автора „письма“ помочь горю ближняго. И жаль, что родившійся у него „великій страхъ“ за будущее птицъ разрѣшился только этою странною замѣткой... Вѣдь давно уже извѣстно, что разрушать и порицать легче, чѣмъ созидать, врачевать и исправлять...

Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ одномъ изъ позднѣйшихъ номеровъ „Новаго Времени“ помѣстило замѣтку, что въ Подольской губерніи существуютъ школьные братскіе кружки при церковныхъ школахъ, имѣющіе, между прочимъ, въ виду и защиту птицъ. Значитъ, школа тамъ не бездѣйствуетъ въ борьбѣ съ пороками дѣтей. Не нужно только закрывать глаза предъ ея дѣятельностію, не нужно довольствоваться только попреками. И какъ бы хорошо, если бы и авторы писемъ, подобныхъ напечатанному въ „Новомъ Времени“, въ минуты досуга безкорыстно написали что-либо въ защиту птичекъ Божьихъ и добрымъ словомъ посѣяли-бы полновѣстное сѣмя въ мѣстахъ оскуднѣнія нравовъ. Вотъ вмѣсто праздныхъ словъ и было бы дѣло, вмѣсто хулителей церковной школы были бы и лишніе честные и благородные дѣятели. А то вѣдь навѣкъ разводите руками, да съ упреками, всѣмъ дается очень и очень легко...

СОДЕРЖАНІЕ: Школа въ борьбѣ за трезвость. (Статья вторая). *Димитрія Введенскаго*.—Народная христоматія. Учителя *Стефана Козубовскаго*.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учителя*. Е. Куликова.—Посвѣвы и восходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Вмѣсто бібліографіи. Малое слово о великой книгѣ. *Николая Ник.*—Нашъ дневникъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 20-я (три статейки).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Іюля 17 дня, 1904 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вѣляевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.